

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

1. ЗАСАДА НА ПЕРЕВАЛЕ

Где-то вдалеке плакали шакалы. Целым хором... Шакалы всегда плачут, как дети: очень пронзительно, жалостливо, с многовековой обидой на весь белый свет, и слышно их далеко... Вообще-то, уже давно их, кажется, не было слышно... Шакалы большей частью в степях живут и редко близко к голодным горам приближаются. Здесь владения волчьи... Что волк добудет, тем и сыт, и объедков шакалу не оставляет, потому что сам всегда голоден. Но иногда, как умные люди говорят, популяция слишком уж сильно увеличивается, и тогда наиболее слабых гонят подальше. В данном случае, подальше — это напрямиком в сторону гор, потому что больше некуда. В противоположную сторону шакалы не ходят, потому что там людей много, там города, а вокруг городов голодные собаки, которые еще страшнее людей, они многому от тех самых людей научились...

А люди не любят плач шакала. Люди самих шакалов не любят за назойливость и трусость, за неприглядный внешний вид — облезлые, издерганные блохами бока и всегда поджатый хвост. Шакалы — жители равнин. А горцам волки ближе и понятнее... Только в отличие от волков люди на шакалов внимание обращают больше. Волк только одним рыком

шелудивого прогонит и тем доволен останется. А люди в надоеду порой стреляют... Но тоже не всегда... Иногда бывают ситуации, когда стрелять нельзя...

Как сейчас...

— А я в прошлом году шакалу в бок очередь дал, — говорит Хамзат, — все кишки вывалил... Он упал и давай свои кишки жрать... Фу, мерзость какая... И как Аллах их терпит...

— Пусть сегодня подкормятся... — довольно заметил эмир Мовсар. — Солдатскими кишками... Мы им сегодня пир устроим... Мне не жалко...

Джамаат¹ Мовсара Байсарова занял склон неподалеку от перевала, там, где молодые елки растут среди больших камней, прямо над предпоследним поворотом дороги. Последний поворот в серпантине, как и предыдущие, не имеет над собой такого возвышения, удобного для засады и атаки, и одновременно сложного для контратаки с дороги. Тому, кто попадет здесь в ловушку, выбраться будет практически невозможно. Вверх навстречу выстрелам не прорвешься — крутизна... Сразу за дорогой об-

¹Джамаат — боевая единица в незаконных вооруженных формированиях на Северном Кавказе. Согласно циркуляру, составленному еще Хаттабом, каждый джамаат должен иметь возможность действовать самостоятельно, для чего должен включать в себя командира (эмира), разведчиков, снайперов, пулеметчиков, минометчиков, минеров, связистов, санинструкторов и проч. Такие джамааты насчитывали от десяти до пятнадцати человек. Обычно отряды полевых командиров разбивались на несколько джамаатов. Позже понятие джамаата стало иметь более широкое применение, может обозначать и целую банду, и вообще вполне законное общественное или религиозное объединение.

рыв, с которого лететь будешь так долго, что успеешь всех родственников поименно вспомнить и проститься... Путь только по дороге: хоть вверх, хоть вниз, но все равно без возможности укрыться...

— Шакалы сюда не поднимутся... — сказал Умар Атагиев, почесывая заживающее ухо — месяц назад шальной пулей пробило. Сейчас рана зарубцевавалась, остался только заметный белый шрам, а само ухо навсегда, похоже, сделалось розовым. — Они крутизны боятся, лапы у них так устроены, что ползать любят, но не скакать с камня на камень... Да и на выстрелы не пойдут... Внизу повоюют с голодухи, а подняться не рискнут...

— На выстрелы они как раз и ходят... — не согласился эмир. — Они знают, что там поживиться смогут... Умные бестии...

— Это не ум, это жадность... — стоял на своем Умар, который вообще брезговал даже смотреть на шакалов. Слишком на многих людей они походили своим поведением. Людей, которых даже вспоминать не хотелось. — А жадность никого до добра не доводила. Кто много отдает, к тому все само приходит, весь мир приходит, а кто на золоте сидит, кроме золота ничего не видит... От блеска сильно жмурится...

Только один Умар во всем джамаате и смел вслух не соглашаться с эмиром. Он по возрасту старший, и голову имеет седую, и человек уважаемый. И Мовсар никогда на Умара не сердился. И даже обращался к нему всегда, когда совет требовался, и совет всегда получал. Мовсар когда-то был

старшим лейтенантом милиции и даже не в Чечне служил, а в Ростове-на-Дону. Воров ловить он умел, хотя и не любил. А воевать пришлось, когда то ли сам из ментов ушел, то ли погнали его за что-то. Приехал в Чечню, и обстоятельства так сложились, что автомат в руки взял. А потом и вообще стал эмиром джамаата... На этой «должности» Мовсар больше характером брал. Он, еще будучи ментом, власть почувствовал и до сих пор любил ее чувствовать. Но на войне одной властью не много сделаешь. И приходилось к Умару обращаться. Умар был когда-то майором ВДВ, в Афгане воевал, а после ранения инвалидность получил. Но военное дело понимал и совет дать мог всегда. И, что тоже важно, что, может быть, для Мовсара Байсарова важнее всего другого, в командиры не лез, хотя общим уважением пользовался и при желании всегда мог занять место эмира...

— Едут... — сказал Астамир Атагиев, младший сын Умара. У Астамира слух тонкий, не зря музыкой в детстве занимался, и каждый звук он издали слышит. Пусть скрипачом Астамир и не стал, хотя преподаватель в музыкальной школе говорил когда-то Умару, что способности у его сына уникальные, но он стал хорошим часовым и отличным наблюдателем. — Далеко еще... Только-только к подъему подобрались...

— Ждем... — как-то даже радостно, с возбуждением откликнулся эмир. Глаза его, как обычно перед боем, горели. — Ждем их...

Эмир любил бой и в бою всегда был хорош. Мо-

жет быть, он самым лучшим воином в джамаате был, как и полагается эмиру. Иначе что же он за эмир и откуда тогда взятая уважению со стороны бойцов, тем более когда рядом есть другие, достойные уважения. Но Умар, хотя и отличался умением, хотя и обучить других мог, для полноценного боя уже не очень годился по причине возраста. Да и здоровьем был обижен. Не зря его из армии по инвалидности уволили: контузия позвоночника — это не шутка... Да и энергией, желанием воевать сравниться с Мовсаром он не может. Умар свое отвоевал, отвоевал хорошо, о чем его боевые награды говорят, а теперь время других пришло... А единственное слабое место эмира Байсарова как командира Умар умел восполнить своим опытом: когда требовалось спланировать операцию, выбрать место, просчитать все варианты, то без помощи старшего Атагиева Мовсар обойтись не мог. Он сам это хорошо понимал, и потому Умар Атагиев был в джамаате на особом положении.

— К первому повороту подошли... — сообщил Астамир. — Поворачивают медленно... Вообще едут медленно...

— Они опасаются там засады... — сказал старший Атагиев. Со знанием дела сказал. Он заранее предупредил, что внизу федералы будут опасаться засады.

Сам Мовсар никогда бы не выбрал такое место для внезапной атаки. Он всегда предпочитал прятаься так, чтобы издали заметить приближение противника, а не ловить короткий момент его появле-

ния... Чтобы стрелять, заранее выбрав цель, а не искать эту цель второпях... Можно было бы там, внизу, засаду устроить... Конечно, там противнику и обороняться удобнее, и плотным огнем на плотный огонь ответить можно. Но, как считал Мовсар, если сразу плотность огня довести до предельной интенсивности, федералы ничего предпринять не сумеют. Они испугаются... Они в панике будут метаться... А при испуге, при панике, когда голова ни у кого не соображает и только ищешь место, которое, как кажется, может тебя спасти, сложно организовать оборону.

Там, внизу, дорога проходит через густой, кустами сплошняком поросший ельник... Из ельника, из кустов, оставаясь невидимым, стрелять очень даже хорошо... И все цели выбрать можно заранее, пока машины не подошли еще на расстояние выстрела. Но Умар Атагиев решил, что федералы засаду будут ждать и в ельник въедут медленно, уже оцетинившись пулеметами, как дикобраз иглами, и на первый же выстрел сами ответят плотным огнем. И, как ни хороши ельник и кусты для засады, отходить через них под огнем почти невозможно. Да еще вверх отходить... Густой ельник идет до середины склона. Четыре поворота предстоит сделать колонне в ельнике. Потом ельник станет реже, а еще через два поворота вообще перейдет в молодой, растущий среди камней. Там федералы расслабятся. Нет кустов, в которых может скрываться засада. А засада, по мнению Умара Атагиева, вовсе и не должна скрываться в кустах. Она может за камнями прятаться и не видеть колонну. Только один наблюдатель

должен видеть... Или слышать... А потом все вдруг поднимаются из-за камней, и — все начинается...

Умар если и не всегда, то часто использовал музыкальный слух сына во время операции. Дан человеку Аллахом дар — надо этот дар использовать, чтобы Аллаха не гневить... Так считал... И использовал... И сейчас Астамир говорил о передвижении колонны так, словно видел происходящее глазами:

— Прошли второй поворот... Чуть добавили скорость...

* * *

Астамир слышал и читал про динозавров, но в свои двадцать восемь лет, из которых он двенадцать воюет, с настоящими динозаврами ни разу не встречался. И потому он звал динозаврами всю бронетехнику федералов. Танки, бронетранспортеры, боевые машины пехоты — все они для него были динозаврами, свирепыми, тупыми, страшными в своей ярости. Он не боялся войны, как всякий горец, и потому мог во время войны даже позволить себе игру... Он представлял себе, что жили когда-то на Земле и люди, и динозавры. И динозавры могли бы раздавить всех людей, если бы сумели. Но победили люди. Они не такие слабые, какими кажутся. И Астамир представлял себя человеком, борющимся с динозаврами. Когда думаешь, что не в самом деле воюешь, а играешь, бой вести легче. Кажется, что любой эпизод можно будет потом оспорить или переиграть. Тогда и быть убитым не боишься...

— Два грузовика, как обычно, и один «дино-

завр»... — доложил Астамир. — «Динозавр» идет первым...

— Какой? — спросил отец.

— Бронетранспортер... «Восьмидесятка» — движок дизельный...

Дизельные двигатели, которые по звуку можно отличить от бензиновых, ставят только на более современные БТР-80. На стареньких БТР-70, привычных Умару Атагиеву еще по Афгану, стоят два бензиновых движка, каждый на две колесные оси. Сын все это собственными стараниями и стараниями отца знал прекрасно.

— Накладка, значит, вышла... — сказал Умар. — Вместо БМП идет БТР...

Знал разницу между БТРами и БМП даже эмир. И потому сразу отреагировал:

— Руслан... — позвал Мовсар минера. — Смотри внимательно. Если на БТРе сетка, взрываешь его... С машинами и так справимся... Они на этой дороге не развернутся...

— Понял, эмир...

Руслан сидел за большим камнем, готовый сжать пальцами два провода, чтобы замкнуть контакт электрического взрывателя фугаса, установленного под камнем у дороги. Аккумулятор стоял здесь же, рядом, и использовался минером в качестве подставки для локтя. Руслан любил небрежные позы, когда производил взрыв, бравировал этим, сам перед собой и перед другими «рисуюсь», и уж локоть обязательно всегда на аккумулятор ставил. Так, словно он с великим комфортом воевал...

— Завгат, ты в этом случае переключайся на последний грузовик... Если сетки не будет, все по первоначальному плану...

— Понял, эмир...

— Гранату сменить успеешь?

— Не успеет... — за гранатометчика решил Умар. — Пусть в бензобак стреляет...

В последнее время на «восьмидесятках» стали ставить заградительные сетчатые экраны, предохраняющие от кумулятивных гранат. Граната взрывается, не долетая до БТРа, и не причиняет ему большого вреда. Такая кумулятивная граната и стояла в «РПГ-7» Завгата. И использовать ее силу необходимо было с толком.

Первоначально предполагалось, что с колонной машин поедет боевая машина пехоты, как было в прошлый раз и как было неделю назад. И потому планировалось БМП пропустить, а фугас взорвать под последней машиной, где сидели солдаты. С БМП же справился бы гранатометчик. Их в джамаате два. Если бы первый допустил промах, чего вообще-то не бывает, выручил бы второй. Потом и крупнокалиберный пулемет бы подключился. Но сейчас пулемету следовало дать другую работу.

— Анзор, переберись левее... Работаешь сразу по второму грузовику... Можно дать очередь в двигатель первого... И по кабине... Можно вообще только по кабине... Вывернуть он все равно не сможет... Смотри, в тент не стрелять... Вообще кузов не трогать... Никому... Ни тент, ни борта... Анзор, по кабине... Потом по второму... Плотно...

— Понял, эмир...

В джамаате был только один крупнокалиберный пулемет китайского производства. Его приходилось даже по ходу боя часто перенаправлять с одной цели на другую, чтобы добиться большего эффекта. В отличие от всех китайских товаров, о качестве которых даже в лесах Чечни, далеких от всех базаров, слышали, пулемет был безотказным. Хорошо и то, что к нему подходили патроны калибра 12,7 от российских аналогов. Единственный недостаток — пулемет, как ни странно это выглядело, имел несколько блестящих никелированных деталей, словно предназначен был для глупой выставки. Эти детали по предложению Умара Атагиева закрасили обычной масляной краской. Но краска быстро стиралась, и потому красить приходилось часто. Когда находишься в засаде, блеснуть ничего не должно...

* * *

Теперь уже звуки двигателей слышали все. Они тяжело гудели на одной низкой ноте, хотя высота перевала была не такая уж и впечатляющая. Но это, должно быть, потому, что оба грузовика поднимались на перевал на второй передаче, а она всегда басистая. Перевал затяжной, машины в армии старые, двигатели изношенные, да и не слишком берегут их солдаты, которым только бы свой срок службы отъездить. Потому начинают подниматься на перевал на третьей скорости, потом вынужденно переходят на вторую, поскольку на третьей грузовики глохнут.

Бронетранспортер же шел ровно и уверенно: должно быть, двигатель у него был новее и лучше. Башенная пулеметная установка, способная работать в качестве зенитки, смотрела круто вверх¹, на склон, как раз туда, где устроилась засада. Стрелок-наводчик, видимо, постоянно контролировал окружающий его враждебный мир и готов был начать стрельбу в любой момент. Сюда же, в сторону склона, смотрели и шесть гранатометов, смонтированных на задней части башни. Но эти гранатометы боевикам не угрожали, поскольку они предназначались для устройства дымовых завес и стреляли только дымовыми гранатами.

Пока еще всем выглядывать было незачем. Мало ли — случайный взгляд какого-то солдатики, и все пойдет насмарку. Выглянули только Байсаров, Умар Атагиев и Руслан. Но Руслан даже не выглянул, он только через плечо посмотрел в щель между высокими камнями.

— Есть экран... — отметил Умар. Несмотря на возраст, остроту зрения отставной майор еще не потерял.

— Руслан, твоя работа... — сказал Мовсар.

— Понял, эмир...

Вот теперь Руслан повернулся к камням лицом, хотя и не встал с места, а только привстал. Ему в

¹Угол подъема ствола крупнокалиберного пулемета «КПВТ» калибра 14,5 и спаренного с ним пулемета «ПКТ» калибра 7,62 равняется шестидесяти градусам. Это дает возможность пулеметам вести зенитный огонь по целям на дальности до тысячи метров, используя при этом зенитный оптический прицел «1ПЗ-2».

цель хорошо было видно, как бронетранспортер подходил к камню, под которым был заложен мощный фугас, изготовленный Русланом собственноручно из нескольких мин и артиллерийских снарядов. Яму под фугас копали несколько человек, потом по крошечке и по камушку пальцами выбирали все, что упало на дорогу и могло демаскировать заряд. Но устанавливал фугас Руслан уже один. Мера безопасности лишняя, как сам он считал, потому что жизнь он любил и делать неосторожные движения не намеревался. Тем не менее остаться рядом во время закладки желающих не нашлось. Но камень на фугас опять несколько человек ставили, потому что одному такой камень не поднять...

— Все готовимся! — подал команду Мовсар.

Вот теперь уже можно было всем двадцати восьми бойцам джамаата высунуться из укрытия и приготовиться к стрельбе. Уже невозможно было что-то изменить, даже если бы кто-то оказался очень наблюдательным и заметил засаду...

* * *

Метры казались километрами, а секунды часами...

Астамир начал считать эти секунды и метры, то есть километры и часы, задолго до того, как эмир дал команду готовиться. Просто дорога там, внизу, была уже так хорошо изучена, что наложить на нее звук двигателей не составляло большого труда. Астамир представил картину происходящего. Он мог ошибиться в мелочах, но не мог ошибиться в целом. Ни на метр ошибиться не мог...

«Динозавр» шел первым, и шел уверенно, словно своим видом предлагая грузовикам последовать его примеру, чтобы быстрее преодолеть этот опасный участок, который был уже почти преодолен. И совсем чуть-чуть осталось, совсем немного, только два поворота совершить, и тогда откроется перевал. Там уже, на спуске, засады можно не ждать. На спуске никто не устраивает засады, потому что сверху тому, кто спускается, эту засаду будет сразу видно... Правда, на спуске можно фугасы устанавливать. И даже лучше их устанавливать на спуске, потому что там уже у водителей внимание слегка рассеивается и они не так пристально смотрят за опасными участками дороги... Но все равно — спуск психологически менее напряжен, чем подъем, и перевала всегда ждут с нетерпением. Это и автомобильных колонн касается, и людей, которые на перевал поднимаются, потому что перевалов без дорог гораздо больше, чем перевалов с дорогами. И сколько уже таких перевалов пришлось преодолеть Астамиру за эти годы, начиная с девяноста четвертого, когда он ушел вместе с отцом, которого тогда позвал Джохар Дудаев. Ушел, чтобы начать воевать... И с тех пор воюет...

Не каждый день, конечно... И не сразу, как ушел с отцом, потому что генерал Дудаев позвал отставного майора разведки воздушно-десантных войск, чтобы тот обучал военной грамоте молодых ичкерийских командиров. Вместе с этими командирами и Астамир учился... Но сам командиром не стал...

Потому что отец не стал... Не захотел... Как может захотеть этого сын...

У отца вообще к этой войне отношение странное, и он сам, кажется, не всегда понимает, что делает, что хочет делать, а чего делать не хочет... Сын заметил, например, что отец редко набивает магазины своего автомата патронами... Для кого-то чужого это, возможно, и осталось бы незаметным, а для Астамира, который был всегда рядом с отцом, не осталось... И появилась догадка, верить в которую не хотелось. Но хотелось присмотреться... И потому в эту засаду Астамир устроился неподалеку от отца и чуть выше... Чтобы видно было...

— Все готовимся! — прозвучала команда.

Астамир приготовился, но периферийным зрением все же наблюдал за отцом.

2. ТРИ ЗВЕЗДЫ НА ПОГОНЕ...

Полковник Раскатов хорошо чувствовал свою роль попутчика, к тому же навязанного приказом сверху, и не стал сгонять с командирского места старшего прапорщика Лошкарева, потому что командовать во время сопровождения транспортной колонны должен тот человек, который именно для этого и предназначен. Негоже было бы полковнику спецназа ГРУ взять на себя функции командира конвоя, да никто ему таких полномочий и не давал. И потому Василий Константинович просто заставил потесниться солдат конвоя, заняв место у одного из окошек-бойниц, сейчас закрытых тяжелыми бронированными кругляшками-занавесками. Место, кстати,

самое удобное — около бокового люка для десантирования. Там, по крайней мере, есть где ноги вытянуть.

Солдату пришлось на полу устроиться. Жестко, но три часа можно и потерпеть. Смешно было бы, если бы солдаты сидели на сиденьях, а полковник у их ног на полу. Это даже сами солдаты понимали, наверное...

— Тебя как зовут? — спросил Василий Константинович солдата, которому неудобства доставил.

— Рядовой контрактной службы Селиверстов, товарищ полковник... — не слишком весело ответил солдат, пытаясь встать там, где встать возможности не было.

— Сиди... А имя у тебя есть?

Бывает, что солдаты за время службы забывают свои имена.

— Владимир...

Раскатов переложил из кармана камуфлированного пухового бушлата пакет с документами в карман «разгрузки» и протянул солдату свой бушлат, поскольку солдаты по летнему времени носили соответствующую форму и бушлатов с собой не имели.

— Подложи, Владимир, все мягче будет...

Долгое молчание рядового было вызвано растерянностью.

— Спасибо, товарищ полковник... — сказал наконец Селиверстов.

В итоге солдат оказался даже на более мягком месте, чем его сослуживцы и даже чем сам Василий Константинович, чему рядовой несказанно удивил-

ся, потому что не привык к такой о себе заботе со стороны своих офицеров. А этот полковник из Москвы, что ехал к ним в часть разбираться по поводу инцидента, о котором в последние дни много говорили, выглядел довольно странно. К тому же был непривычно вежлив.

«Наверное, давно с солдатами не общался — штабной, потому и добрый такой», — решил рядовой контрактной службы Селиверстов...

* * *

Полковник Раскатов в самом деле ехал разбираться со скандалом, случившимся в воинской части, где временно занимал помещение под казарму и стоял на довольствии отдельный отряд спецназа ГРУ. Старший лейтенант Тихонов из спецназа ГРУ основательно избил капитана и майора мотопехотного батальона. Избитые офицеры, естественно, написали рапорт, и теперь Раскатову предстояло проявить чудеса дипломатии, чтобы дело не дошло до военной прокуратуры. Все-таки, когда младший офицер позволяет себе рукоприкладство по отношению к старшим офицерам, это из ряда вон выходящий факт. Тем более избиение было совершено в трезвом состоянии. Как-то так повелось, что пьяные драки вызывают меньше возмущения, чем трезвые разборки. Тогда обычно виновного, то есть обычно и всегда, младшего офицера, просто переводят служить в другое подразделение, и этим дело кончается. А когда драка случается в трезвом виде, дело, бывает, и до трибунала доходит.

По телефону выяснить подробности не удалось, потому что командир отряда спецназа ГРУ майор Макаров, представляя свою версию случившегося, разговаривал с командиром своей бригады из кабинета командира мотопехотного батальона подполковника Расько и всего сказать, наверное, не мог, иначе его потом могли бы вообще до этого телефона не допустить. Но рапорт избитых офицеров миновал командира бригады и попал из РОШа¹ сразу в диверсионное управление ГРУ. И полковник Раскатов получил приказ выехать, чтобы «спустить дело на тормозах», и, если придется, спустить очень жестко, но в обиду своих не давать...

Что такое «спустить очень жестко», никто Раскатову не объяснил, но он и сам понимал, как это можно сделать. А давать своих в обиду полковник был не намерен даже в том случае, если старший лейтенант, обладатель добротных кулаков, оказался бы не прав, в чем Василий Константинович сомневался, основываясь на туманных фразах Макарова, которые передал командир бригады. Короче говоря, предстояло разбираться...

Приезда полковника Раскатова в штабе мотострелкового полка, к которому относился батальон, ждали с нетерпением и, как понял Василий Константинович, сами не желали, чтобы дело дошло до военной прокуратуры, но причин открыто не называли, мотивируя свою приветливость желанием все закончить мирно исключительно из уважения к во-

¹РОШ — региональный оперативный штаб по проведению антитеррористической операции на Северном Кавказе.

енной разведке. В уважение полковник Раскатов вел, прекрасно зная, что в нынешние времена спецназ ГРУ — это не просто элитные, это самые боеспособные войска во всей российской армии. Но чувствовал в деле какую-то подоплеку... И его отравили разбираться, посадив на транспорт из батальона, что регулярно курсировал между отдаленным гарнизоном и полком...

* * *

Полковник, честно говоря, давно отвык ездить на бронетранспортерах. Он даже пытался вспомнить, когда ездил в последний раз, и выходило что-то около шести лет назад. Но в спокойной московской жизни, вернее в беспокойной московской жизни, потому что спокойной службы в спецназе ГРУ не бывает, всегда старался поддерживать себя в хорошей физической форме. И это была не привычка даже — это был образ жизни, и он Василию Константиновичу нравился.

БТР мягким транспортным средством назвать нельзя, хотя все же ехать в нем гораздо приятнее, чем в кузове грузовика. Несколько раз полковник поднимал круглую шторку, чтобы выглянуть из бойницы. Пейзаж кругом был один и тот же уже на протяжении больше чем часа, — сплошной густой ельник. Когда начался крутой подъем на перевал, полковник сразу почувствовал это, снова приподнял шторку. Он увидел широкий простор — холмистая, поросшая лесом местность уходила далеко, потом ельник редел, и дальше начиналась степная равни-

на с высокой травой и зарослями разнообразных кустов. Потом бронетранспортер круто повернул, и в бойнице появилась каменная стена. Иначе и быть не могло, потому что подниматься на перевал можно только по «серпантину». И с каждым поворотом будет меняться пейзаж...

Заскрипела над головой башня. Стрелок-наводчик переводил пулеметы на возможную цель. Все обычно, все выполняют свою работу...

* * *

Необычное началось вскоре после очередного поворота, когда вдруг показалось, что колеса начали «рыскать». Такое бывает с некоторыми машинами, джип «Рейнглер» самого Раскатова тоже имеет такую склонность, когда попадаетея раздолбанная дорога и едешь по ней на высокой скорости, но с бронетранспортером такого быть не могло. Полковник успел это осознать за ту короткую долю секунды, которую это ощущение длилось. А когда появился тяжелый и весомый гул, заполняя все вокруг, начал искать рукой автомат. То есть он только подумал, что надо найти автомат, а потом сообразил, что автомата у него нет, есть только пистолет, но не в кобуре, а в кармане «разгрузки», надетой поверх бронежилета. Не мыслью, а осознанием за ничтожные доли секунды прошло в голове воспоминание, как он собирался ехать в повседневной форме одежды, но его отговорили, заставив и в полевую форму снарядиться, и бронежилет с «разгрузкой» надеть, мотивировав этот маскарад тем, что так в Чеч-

не все ходят, а в одетых иначе стреляют снайперы, сразу вычисляя в них начальников. Это было разумно, и Василий Константинович послушался... Он уже сталкивался в своей службе с работой снайперов, когда был «добровольцем»-инструктором в сербской армии во время войны в Боснии. И не видел удовольствия в повторении ситуации, тогда закончившейся для него долгим отлеживанием боков в белградском госпитале.

И это была его последняя мысль. А потом его подбросило вместе с бронетранспортером, ударило обо что-то головой, и полковник потерял сознание...

* * *

— Вставай, старший лейтенант... — сказал голос с сильным кавказским акцентом, и что-то толкнуло его в плечо. — Проснись и вставай, не то пролежни на заднице будут...

Раскатов давно отвык от звания старшего лейтенанта. Он был старшим лейтенантом очень давно. И сейчас не сразу понял, что боевик просто издевается над ним — три звездочки на погоне старшего лейтенанта, и три звездочки на погоне полковника. Правда, звездочки другого размера, и погон у старшего лейтенанта с одним просветом, а у полковника с двумя, но на погоне полевой формы просветов вообще нет. Там и не погон, а погончик с тремя звездами...

Потом появилась мысль о том, что погоны у него были прикрыты бронежилетом и еще сверху «разгрузкой». И если кто-то рассмотрел погон, значит,

должен снять с полковника и разгрузку, и бронези-лет. Раскатов, так и не открыв глаз, пошевелил плечом, проверяя свою экипировку. Тяжести на плече не было. Значит, и разгрузку, и бронези-лет с него сняли...

— Вставай... Я не буду долго ждать... — снова сказал чеченец.

Теперь уже удар ногой был более основательным и болезненным — в ребра.

Полковник не встал, а только сел и попробовал открыть глаза. Глаза открываться никак не хотели, он потрогал лоб рукой и почувствовал на лбу уже начавшую застывать кровь. Значит, разбил себе голову по время взрыва и кровью глаза залило, потому и не открываются. Василий Константинович думал об этом спокойно, потому что никогда не имел склонности к панике и в любой обстановке вел себя хладнокровно.

Глаза он все-таки открыл, помогая векам пальцами. И все увидел...

Он сидел у отвесной скалы прямо на дороге. Недалеко лежал на боку покореженный взрывом, но не загоревшийся, к счастью, бронетранспортер. Чуть дальше стоял грузовик с пробитой пулями кабиной и разбитым стеклом. В кабине упал на руль мертвый водитель, и еще двое — прапорщик и старший прапорщик — были там же в позах, в которых их застала смерть. Боевики разгружали эту машину, вытаскивая и складывая прямо на дорогу ящики и коробки с продуктами. Второй грузовик чуть дальше горел. Уже сгорел тент, и теперь догорал кузов с кабиной. Бензобак не взорвался, сразу увидел полковник

опытным взглядом — бензобак очередью пробрили, и бензин вытек, помогая машине быстрее сгореть. Людей в кузове второй машины видно не было. Впрочем, кажется, там никого и не было... Только несколько каких-то коробок забрасывали...

Больше повезло тем, кто находился в бронетранспортере. Обезоруженные, с опущенными головами, неподалеку от полковника стояли у каменной стены старший прапорщик Лошкарев, рядовой Селиверстов и еще трое солдат. Вид у всех был соответствующий положению.

Только осмотревшись, полковник встал полностью. Голова кружилась, трещала, и во рту была сильная сухость. Но он шагнул к шеренге других пленников и встал с правого края, как и полагается старшему по званию. И только после этого посмотрел на бандитов.

Рядом с пленниками бандитов было только трое, двое стояли рядом, один, с ручным пулеметом, чуть в стороне. Василий Константинович сразу оценил положение не в свою пользу. Окажись тот боевик, что с пулеметом в руках, на четыре шага ближе, Раскатов смог бы показать, что такое офицер спецназа ГРУ в работе. Пусть и старший офицер, который уже по возрасту не имеет той подготовки, которую имеют более молодые. Сорок четыре года для спецназовца тоже возраст, но и в этом возрасте он остается спецназовцем. Полковник сумел бы обезвредить этих троих и захватить пулемет. Но боевики были, должно быть, опытными и пулеметчика поставили в стороне. Он оттуда за считанные секунды может всю

шеренгу пленников «положить». Раньше, чем кто-то успеет до него добежать...

— Отдохнули, и хорошо... — сказал тот боевик, что заставил Раскатова подняться. «Должно быть, это был командир отряда или, как он у них называется... эмир джамаата, кажется». — Идите помогать машину разгружать... Потом решим, что с вами делать...

Седой высокий боевик почесал бороду и пошел впереди, словно дорогу показывая, хотя дорога и без того была ясна.

— Ящики со свиной тушенкой с обрыва сбрасывайте... — приказал эмир. — Остальное на дорогу... Не сбрасывать, а складывать...

С обрыва один за другим полетели сразу с десяток грубо сколоченных ящиков, в которых виднелись пол-литровые стеклянные банки практически с одним свиным салом. Такой тушенке эмир отвел место в пропасти справедливо, не мог не согласиться с ним Раскатов.

Ему подавали из машины другие ящики, и он, так же, как и пленные солдаты, как пленный старший прапорщик, ставил ящики и коробки рядом с машиной. Тент с бортов был сорван, и было видно, что кузов уже почти пустой. Разгрузка заканчивалась. Непонятно было только одно — как весь этот груз собирались нести боевики. На себе по горам все унести не смогут, даже если загрузят тройным весом пленных. Горы всегда остаются горами. По ним и без тяжести нелегко путешествовать, что вверх, что вниз...

— Отдыхаем... — сказал эмир, когда разгрузка

закончилась. — Ваха, ты покури, потом посмотри, что нам надо... Это с собой заберем... — добавил, обращаясь к боевику со снайперской винтовкой в руках.

Василий Константинович сразу определил, что это «FR-F2», американская армейская снайперская винтовка. Оружие классом выше традиционных для Российской армии «СВД», «ВСС» и «ВСК-94»¹, хотя тоже не самого высокого пилотажа. Тем не менее армейский разведчик работал в полковнике вне зависимости от жизненных обстоятельств, и он не мог не взять на заметку наличие в банде такой винтовки. Это уже говорило о снабжении из-за рубежа. И одновременно с разведчиком работал офицер спецназа. Раскатов не рыскал глазами по сторонам, но пытался периферийным зрением оценить обстановку. После такого боя где-то вполне может валяться оружие. Хоть кто-то из солдат должен был отстреливаться...

Но, похоже, не отстреливался никто. После гибели бронетранспортера никто не пожелал попробовать отстоять свою жизнь... А у новобранцев в сгоревшей машине вообще оружия, кажется, не было. Так что спецназовец не нашел ничего...

* * *

Пока отдыхали боевики, а они успели активно поработать до того, как в помощь им подогнали пленников, никто не заставлял что-то делать ни пол-

¹Типы снайперских винтовок Российской армии.

ковника, ни других. На них словно бы вообще внимания не обращали. Потом Ваха, тот боевик с американской армейской снайперской винтовкой, стал разбираться с грузом. Он уже, конечно, не стал к помощи своих прибегать и загрузил работой солдат, заставляя относить что-то в сторону. Но, в общем, набралась сравнительно небольшая партия груза. Должно быть, джамаат не страдал от недостатка продуктов питания. Это Василий Константинович тоже запомнил. По привычке, не зная еще, зачем ему может такая информация понадобиться. И, уж конечно, успел всех боевиков пересчитать, и совсем не тыкая в каждого пальцем — двадцать восемь человек, большой джамаат, и снабжать его провизией было, несомненно, проблематично, особенно зимой... Обстановку в республике полковник знал хорошо и понимал, что столкнулся с необычным по нынешним временам бандитским формированием. Сейчас такому джамаату трудно будет даже спрятаться в горах от вездесущих федералов и еще более вездесущих «кадыровцев», имеющих в народе много «стукачей». Настоящие боевики знают хорошо, что лучше десять раз вступить в бой с федералами, чем один раз с «кадыровцами», потому что, попав в плен к федералам, угодишь на «зону», а попав в плен к «кадыровцам», останешься без головы — предавшие не знают пощады к тем, кого они предали... Но и с «кадыровцами» боевики поступают точно таким же образом — преданные тоже не прощают предательства...

— Вставай, старший лейтенант... — сказал эмир, посмотрев на часы. — Командуй погрузкой...